

*Татьяна Млечко
(Кишинев, Молдова)*

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ НОВОЙ ДИАСПОРЫ

В «новом ближнем» Русском мире произошли изменения, которые преобразили не только коммуникативное и социокультурное пространство, но и языковую личность (ЯЛ), оказавшуюся на перекрестке как минимум двух лингвокультурных миров, на вызовы и притяжения которых ей выпало органично и/или вынуждено реагировать. Это связано с требованиями социализации, которыми диктуются перемены вплоть до пересмотра идентичностей, в том числе идентичности языковой.

Статистика и количественные социолингвистические исследования располагают солидной базой данных, отражающих трансформацию социокультурных показателей русскоязычного населения стран СНГ. Их динамика очевидна и весьма показательна. В направлении редуцирования русскоязычия, хотя и в разной степени в каждом из государств экс-Союза, изменились языковая политика, языковое законодательство, требования, мотивы и условия языковой социализации, предопределившие количество и набор языков в обиходе государства и индивида, перечень и место языков в системе образования, языковые пропорции в культурно-информационном поле, языковая компетенция участников коммуникации, интенсивность языковых контактов с аутентичной русскоязычной средой.

Наше исследование базируется на материалах по Республике Молдова, где традиционно проживают представители различных этносов — украинцы, русские, болгары, гагаузы, евреи, цыгане и др. Их доля в составе населения за период между двумя последними переписями

1989 и 2004 годов уменьшилась с 35 до 20 %. Русский язык продолжает оставаться де-юре и де-факто языком межнационального общения, он в полной мере доступен – на всей вертикали образования, в СМИ, культуре – для разнонационального русскоязычного сообщества, однако заметно уходит из обихода молдаван, особенно румыноориентированной молодежи, из официальных и публичных сфер коммуникации в Молдавии [8]. Для поддержания русскоязычным населением своего традиционно высокого образовательного, культурного и социального статуса неизбежна языковая интеграция в доминирующий лингвокультурный контекст, что не требует отказа от своей русскости, но меняет ЯЛ.

В рамках таким образом изменившегося контекста нами через языковую личность рассматривается качественная сторона процесса трансформаций в ближнем зарубежье: состояние языка [6], актуальные проблемы самоидентификации русофонов нового поколения [13; 14], типовые характеристики русской языковой личности в лингвокультурном контексте страны проживания [11].

Несмотря на довольно интенсивное, начиная с 80-х годов XX века, изучение всевозможных типов ЯЛ, в центре нашего исследования находится новый объект – русская языковая личность (РЯЛ), только сформировавшаяся в пространстве новой диаспоры ближнего зарубежья и обретающая по истечении двух десятилетий свою все более отчетливую специфику.

Энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи» демонстрирует разнообразие дефиниций ЯЛ: «Языковая личность – носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: 1) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида *homo sapiens* (человек разумный), неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [5, с. 104].

Нами термин используется во втором значении, то есть ЯЛ как некое типовое обобщение, абстрактный представитель языкового сообщества, что широко изучается с позиций лингвокультурологии, социолингвистики, коммуникативной лингвистики, лингвистики текста и др.

Поскольку ЯЛ есть в том числе продукт и отражение речевой практики социума, то важно упомянуть, что русская речевая практика в го-

сударствах ближнего зарубежья отмечена некоторой региональной спецификой и представляет собой новую ипостась феномена, который принято называть *русский язык зарубежья*. Анализ фактов, представленных в исследованиях и иных источниках информации, показал, что своеобразие речевой практики на русском языке в государствах СНГ и Балтии предопределено рядом однотипных причин с вытекающими из них следствиями, которые можно представить достаточно коротким перечнем:

– появление новых специфических реалий в самой действительности, в обиходе жителей каждой из стран и соответствующих им номинаций;

– различия в номинации того общего, что было привнесено новым временем (*органы власти и должности*), и подходах к перенаименованию старого (*топонимы, урбанонимы*);

– билингвизм, доминирование и значительно усилившееся влияние конкретной инонациональной лингвокультурной среды на русскую речевую практику (*русифицированные заимствования*);

– дистанцирование от России и ограниченность непосредственного общения с ее исконными представителями в силу опосредованных контактов, отсутствия мигрантов из России (*качественная редукция русскоязычной коммуникации*);

– и, что особенно важно, реакции и перемены самой РЯЛ (отношение, рецептивность/резистентность к лингвокультурной экспансии).

Прежде чем сконцентрировать внимание на последнем пункте этого перечня, необходимо сделать обобщающий вывод относительно квалификации констатируемого состояния языка в новом зарубежье. Это необходимо, поскольку известны попытки поспешно присвоить явлению статус *национального варианта русского языка*, что, на наш взгляд, необоснованно и необъективно, поскольку искажает реальное соотношение центробежных и центростремительных сил в ближнем зарубежье, определяющее единство русского языка как системы [1; 15]. Нами на протяжении постсоветского периода осуществляется мониторинг состояния русскоязычного пространства. Данные по Молдавии демонстрируют соответствующую региональную специфику узуса, но ни ее общий объем, ни индивидуальные репрезентации не являются частотными и не составляют сколько-нибудь значительной доли в дискурсе. Следовательно, логично говорить о региональной специфике узуса, но не о национальном варианте русского языка [7; 10].

Следует подчеркнуть, что объем изменений в речевой практике носителей языка в условиях зарубежья в целом больше по своим размерам, чем в среднем у отдельной ЯЛ, что говорит о разнице феноме-

нов. Изменения в состоянии языковой среды не автоматически влияют на ЯЛ, поэтому важно не экстраполировать их в целом на характеристики ЯЛ.

Однако в связи с ЯЛ мы можем говорить о специфике когнитивного пространства. Регионально маркированная совокупность «языковых особенностей» является приметой наличия в этом пространстве совокупности общих знаний и представлений у той части русского лингвокультурного сообщества, которая объединена проживанием в конкретном инациональном социуме, принадлежностью к диаспоре. Таким образом, структура знания русской языковой личности вне России характеризуется обязательным наличием дополнительного компонента в его составе: помимо индивидуальных, социальных (групповых), национальных и универсальных знаний и представлений присутствуют еще и определенные инациональные. Более всего здесь с определенной долей условности мог бы быть уместен термин *диаспоральное когнитивное пространство* (ДКП).

Основная характеристика такого ДКП как сегмента ИКП — это погруженность в иной лингвокультурный контекст, где на него воздействует сила притяжения иной когнитивной базы (КБ2), что также несколько ослабляет мощностное влияние исконной когнитивной базы (КБ1). Происходит компрессия («своего») и декомпрессия (за счет «чужого») тезауруса ЯЛ, что засвидетельствовано, с одной стороны, проявлением когнитивной лакунарности, которая является следствием дистанцированности от исконной КБ1, с другой — заимствованиями как результатом постоянного пребывания в зоне притяжения КБ2. Лингвистические замеры и количественные показатели по 100 респондентам-РЯЛ дают различные пределы трансформации ИКП. Приведем несколько примеров того, каким образом это специфицирует речь РЯЛ в Молдове.

1. Органичная ментальная связь с когнитивной базой социума проявляется в случаях, когда все сформулировано абсолютно по-русски, но содержание и коннотации понятны только местным: *Пушкинская горка; апрельские погромы; война на Днестре* и т. д. [9].

2. Притяжение когнитивной базы иного лингвокультурного мира выражается вербально через использование типичного набора номенклатурных и этнических заимствований, хотя и русифицированных по единым моделям системы русского языка: *в кушме и постолах; дать за поману; Храм села; примар муниципия* [6].

3. Использование несклоняемых онимов в молдавской произносительной версии: *Бэць, Раду, страда Хынчешть, Збирая, Орхеюл Векь* и т. п.

4. Превалирование молдавских естественных знаний природоведческого и обиходно-бытового характера, которые не всегда черпаются из учебника. Так, для молдавских русских ясно, что такое *айва* или *каш*, но нет четкого представления, например, о таких типичных для России ягодах, как брусника, черника, клюква.

5. Наличие лакун в понимании базовых единиц системы русских прецедентных феноменов (*Сусанин, Васнецов, Золотое кольцо России* и т. п.) и редуцированное использование прецедентных текстов.

В отношении характеристик ЯЛ особенно важно отметить последнюю. Это связано с тем, что речь не о простом присвоении языка как кодовой системы знаков, состоящей из лексических единиц, вербально-грамматической сети и стереотипных сочетаний (паттернов), то есть не о нулевом уровне, который принимается как данность, а о формировании лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня, с которого «собственно языковая личность начинается» [4, с. 53]

Нами выявлен и подробно представлен в других работах перечень характеристик ЯЛ, которые предопределены наличием инационального сегмента в структуре ее ИКП [12]. Его величина и степень «отрыва» ЯЛ от КБ1 и «сдвига» в сторону КБ2 различна. Координаты ее нахождения на оси КБ1 – КБ2 и ориентиры на перспективу не в последнюю очередь просматриваются через вербальную репрезентацию опрошенными своей русскости. Не детализируя, приведем идентификационные формулировки респондентов постсоветского поколения. Они относят себя к *русскому этносу, к русскоязычным в иноязычном окружении, к русскому лингвистическому меньшинству в государстве проживания, к молдавским русским, к алолингвам (инофонам), русолингвам (русософонам), к российской диаспоре, к российским соотечественникам, к русскому миру вообще (без привязки к стране).*

При очевидной неоднозначности формулировок самоопределения прочность связи с КБ1 очевидна и, по нашим выводам, тем выше, чем активнее, насыщеннее и полноценнее изначальное приобщение ЯЛ к исконной КБ в период ее становления, формирования тезауруса. Это одна из базовых установок для качественного репродуцирования новой русской диаспоры, чтобы ныне ясельное «поколение не превратилось в массу без определенных свойств, в кочевую цивилизацию, которую будет использовать любой глупец, обещая нигилистам новую идентичность» [2, с. 6].

Итак, носитель русского языка в новом зарубежье – феномен, практически не изученный специально. Через языковые биографии [13; 14] и речевые репрезентации представителей новой русской диаспоры в Молдове нами выявляются характерные черты этого нового

типа языковой личности, сложившегося в изменившемся геополитическом и социокультурном контексте и являющегося источником информации о нем.

Список литературы

1. *Георусистика*. Первое приближение : сб. науч. ст. / под ред. А.Н. Рудякова. Симферополь, 2010.
2. *Барр Д. Г.* Дом разбитых зеркал. Минск, 2011.
3. *Иконникова С. Н.* Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). URL: http://www.journal.ru/rus/journals/100.html&tj_id=8 (дата обращения: 10.05.2012).
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010.
5. *Культура* русской речи : энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
6. *Млечко Т. П.* Русский язык как социокультурная переменная // Филология. Русский язык. Образование : сб. ст. СПб., 2006.
7. *Млечко Т. П.* Моноцентричен ли русский язык в разнонациональных ареалах? // Мнемозинон: Язык и культура в мире русофонии. М., 2009.
8. *Млечко Т. П.* Пространство русского языка в Молдове (20 лет Закону о функционировании языков на территории Республики Молдова) // Сб. докладов Международной конференции «Русский язык в коммуникативном пространстве Содружества Независимых Государств». М., 2010.
9. *Млечко Т. П.* Пушкинская горка на русском поле (Русская языковая личность в пространстве современной диаспоры) // Президиум МАПРЯЛ 2007–2010. СПб., 2011.
10. *Млечко Т. П.* Русский язык вне России: академическая норма и региональная специфика // Материалы XII Конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве». Шанхай, 2011. Т. 1.
11. *Млечко Т. П.* Русская языковая личность в новой диаспоре // Там же.
12. *Млечко Т. П.* Индивидуальное когнитивное пространство русской языковой личности в новом зарубежье // Русский язык за рубежом. 2012. № 1.
13. *Mletschko T.* Die Sprachgetzgebung im Zeitraum 1989–2005. Ein Uberblick // Sprachliche Individuation in mehrsprachigen Fteciionen Osteuropas. Leipzig, 2007.
14. *Mletschko T.* Die Sprachgetzgebung im Zeitraum 1989–2005. Ein Uberblick // Eine andere Sprache ist eine neue soziale Perspektive / Sprachliche Identitat der russischsprachigen Bevolkerung. Sprachliche Individuation in mehrsprachigen Fteciionen Osteuropas. Leipzig, 2007.
15. *Slavica* Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh40/pdf/index.htm> (дата обращения: 06.05.2012).